

Право на неприкосновенность личности в российской правовой доктрине конца XIX – начала XX в¹.

Современная классификация прав человека делит последние на три "поколения". Первое включает в себя личные и политические права. К личным правам относят право на жизнь, на личную неприкосновенность и неприкосновенность жилища, свободу передвижения и свободу совести, а также право на справедливое судебное разбирательство. Политические права включают избирательное право, право на участие в политической жизни, на объединения, на свободу слова.

Ко второму поколению прав исследователи относят те права, которые неотъемлемо связаны с концепцией социального государства: право на труд, на отдых, на достойную заработную плату, на жилище, на социальное обеспечение.

Третье поколение прав объединяет коллективные права, а именно право на суверенитет, на самоопределение, на здоровую окружающую среду, также к ним можно отнести право на свободный доступ к информации².

В настоящее время данные права так или иначе отражены в действующей Конституции. Тем не менее, представляется интересным изучение не только гарантий, обеспечивающих соблюдение прав человека, но и механизмов их реализации. В свою очередь, понимание этих механизмов невозможно без обращения к историческому опыту, поэтому в данном докладе мы обратимся к истокам: рубежу XIX-XX веков, когда появились наиболее разработанные философские и правовые учения о правах человека. Представляется интересным сосредоточить наше внимание на понятии неприкосновенности личности в том виде, в каком его понимали различные течения в правовой доктрине указанного периода, что и будет являться предметом данного доклада.

Наиболее разработанная концепция права на неприкосновенность личности была у последователей школы «возрожденного естественного права». Данное течение появилось как ответ на кризис школы естественного права и зародилось в России в 1880-1890-е годы. За основу была взята философия неокантианства с его диалектикой должного и сущего. Однако в отличие от своих предшественников, последователи возрожденного естественного права не противопоставляли должное (моральный идеал) сущему (существующая

¹ В данной научной работе использованы результаты, полученные в ходе выполнения проекта «Институционализация прав человека в условиях модернизации государства и правовой системы России в начале XX века», выполненного в рамках Программы «Научный фонд НИУ ВШЭ» в 2013 году, грант № 13-05-0010.

² Общая теория прав человека / под ред. Е.А. Лукашевой. М.: Норма, 1996. С. 21-23.

правовая система), а считали, что идея прав личности, этот моральный идеал обуславливают существование позитивного права¹.

Так, идейный предшественник школы возрожденного естественного права Б.Н. Чичерин под неприкосновенностью личности понимал баланс частного и общественного, меру свободы индивида от общественных интересов. В своем труде «Собственность и государство» он пишет: «Неприкосновенность частной жизни и частной деятельности должна считаться коренным законом всякого образованного общества. Вмешательство государства в эту область может быть оправдано только в крайних случаях и всегда должно считаться не правилом, а исключением»². Гарантией подлинной неприкосновенности, по мнению Чичерина, должен был стать независимый суд, а также принятие акта, аналогичного английскому Habeas Corpus, согласно которому подданные английского королевства еще в 1679 г. получили право требовать ограничения своей свободы только по судебскому приказу.

Замену административной юстиции судебной Чичерин аргументировал тем, что «суд в своих действиях обязан руководиться законом, тогда как администрация руководствуется усмотрением. Последней по самой ее задаче всегда присуща известная доля произвола: она имеет в виду не охранение права, а достижение практических целей. Но и суд тогда только в состоянии служить действительною гарантией для лица, когда он является вполне независимым как от правительственной власти, так и от властвующей партии»³.

Практическое воплощение данной идеи будет произведено только через 20 лет. В 1906 году Партией народной свободы в Государственную Думу Российской империи будет внесен законопроект о неприкосновенности личности, статья первая которого была сформулирована следующим образом: «Никто не может быть наказан без суда»⁴, но, пройдя обсуждения в каждой из четырех Дум, он так и не будет принят.

Интересна позиция еще одного представителя школы возрожденного естественного права и к тому же одного из авторов вышеуказанного законопроекта П.И. Новгородцева. Полемизируя с немецким позитивистом Г. Еллинеком, Новгородцев скептически относится к идее самообязывания государства, согласно которой неприкосновенность личности, индивида возможна только в том случае, если государство под влиянием каких-либо внутренних мотивов решит ограничить свой суверенитет в пользу индивида.

Новгородцев считал, что в таком случае у государства в силу его природы не может быть того внутреннего мотива, который может сподвигнуть его к переменам: «Закономерное объявление государством своей воли есть не более как момент формальный, являющийся средством к распознаванию

¹ Туманова А.С., Киселев Р.В. Права человека в правовой мысли и законодательстве Российской империи второй половины XIX – начала XX века. М.: НИУ ВШЭ, 2011. С. 74-76.

² Чичерин Б.Н. Собственность и государство. М.: Директ-Медиа, 2011. С. 89.

³ Чичерин Б.Н. Указ. соч. С. 1478.

⁴ Законодательные предположения Партии народной свободы, 1905-1907 гг. – СПб., 1907. С. 64.

обязательных актов, но не источником их обязательности. Когда же мы ищем этого источника, мы должны выйти за пределы той воли, которая подлежит ограничению»¹.

Наиболее действенным мотивом самоограничения государства в пользу индивида, по мнению Новгородцева, может быть только признание примата естественного права, причем такой его трактовки, которой придерживаются последователи школы возрожденного права: «Отсюда следовало бы заключить, что главный правотворящий фактор сознания есть представление о нормальном, идея должного. И в своем существовании, и в своем развитии право находит для себя высшую санкцию в этой идее, которая в одних случаях связывает государственную власть известными правовыми началами, а в других открывает для нея свободу действий во имя высшей цели»².

Противоположную позицию относительно права на неприкосновенность личности и роли государства в установлении этого права занимали российские консерваторы. Так, консерваторы гораздо меньше внимания уделяли собственно юридической стороне вопроса и пытались обосновать права человека и в том числе право на неприкосновенность с помощью религиозно-нравственных построений³. Более того, такая логика привела их к отрицанию формально-юридического понятия права как правомочия требовать чего-либо от государства.

Так, в монографии А.С. Тумановой «Права человека в правовой мысли и законодательстве Российской империи второй половины XIX – начала XX века» приводится цитата М.Н. Каткова, который признает наличие у подданных только таких прав в отношении государства (в ред. Каткова «Царской, Верховной власти»), которые обусловлены их обязанностями в отношении Бога: «В самой Верховной Власти право истекало уже из обязанности, из миссии ее. Только для исполнения этой миссии, для возможности исполнять обусловленные ею обязанности Верховная Власть получила свои права не от людей, а от Бога. Не людям, стало быть, принадлежало и определение этих прав. Нравственно же религиозная идея, разделяемая нацией и выражавшая по ее вере волю Божию, ограничивала права царя не правами подданных, а только их обязанностями высшей категории, а именно обязанностями в отношении Бога. Никаких других прав подданных в отношении Царской власти не знает эта идея, кроме тех, которые даются нашими обязанностями в отношении Бога. Повиновение Верховной Власти кончается только там, где она сама нарушает свою обязанность»⁴.

Исходя из этой точки зрения, представляется логичным то, что консерваторы отрицали саму идею индивидуализма и как следствие возможность требования индивидом от государства каких-либо прав. В первую

¹ Новгородцев П.И. Государство и право // Вопросы философии и психологии. 1904. Кн. 74. С. 435.

² Новгородцев П.И. Указ. соч. С. 449.

³ Туманова А.С., Киселев Р.В. Указ соч. С. 154-155.

⁴ Катков М.Н. Свобода и власть // Катков М.Н. Империя и крамола. М.: Изд-во «Фонд ИВ», 2007. С. 252-253.

очередь, индивид должен исполнять свои обязанности, причем «стремление человека к счастью за счет исполнения им своего долга есть зло, этическая антиценность»¹. Более того, некоторые из российских консерваторов считали, что из-за особенностей русского правосознания ограничение свободы, то бишь утрата личностью своей неприкосновенности, приведет только к положительным последствиям: «Экономия духовных сил [самоограничение, отказ от прав требования к государству] вознаграждает его [гражданина] с избытком за это кажущееся умаление свободы: ибо она открывает ему возможность жизненного творчества и самоутверждения в более ценных и, может быть, абсолютно ценных предметных содержаниях»².

Подводя итог вышесказанному, можно сделать следующий вывод: как и либералы, так и консерваторы признавали необходимость обсуждения прав личности, в том числе права на ее неприкосновенность, но если первые подходили к этой проблеме с формально-юридической точки зрения, предлагая законодательно закрепить свободу индивида от государственного вмешательства и установить закрытый перечень возможных случаев этого вмешательства, то консерваторы вообще не рассматривали субъективные права в отрыве от обязанностей и в первую очередь говорили о долге человека перед государством, нежели о его правах.

¹ Карцов А.С. Проблема субъективных прав и обязанностей в русском консерватизме // *Lex Russica* (Научные труды МГЮА). М., 2006. № 3. С. 446.

² Ильин И.А. Собрание сочинений, т. IV (О сущности правосознания), М., 1994. С. 341.